

Иосиф СЕМАШКО

Проект журнальной статьи по поводу «Философических писем», напечатанных в «Московском телескопе» против России и церкви

1. Долгом поставляем объявить печальную весть о упокоении одного из наших собратий, раба Божия «Московского телескопа»¹. Извольте знать: наш народ Православный смышлен. Нейдет хорошо журналец, чуть-чуть не умирает — вот пускаются на отчаянные средства, авось не встретятся ли с полицией, которая не позволит ругать встречного и поперечного, тут неожиданное счастье: покойная смерть вместо бесславной жизни. Вот в чем дело.

Какой-то Француз или Русской, довольно что статья писана по-французски, изволил обратить нашу Православную барыню к своим высоким философическим взглядам и даже сделал ее, как он думает, католичкою. Но вот беда: эта просвещенная выспренными взглядами дама, едва возвратилась на Русь, как и забыла все наставления своего образователя, или, по крайней мере, глубокая мудрость оных казалась ей уже не так-то непреложною. Тут мой наставник не выдержал — ну же писать к ней философические письма. Нам редко случалось читать подобную бессмыслицу, но вы, верно, не отгадали бы, за какие принялся штуки сочинитель, чтобы восторжествовать над убеждением своей клиентки?

Извольте видеть, он описал ей нас, Русских, удивительным образом. Они-де варвары, не имеют ни просвещения, ни религии, ни правительства; они не имеют народного характера, собственных обычаев, даже семейственной жизни; они даже не способны к образованию — чудо, да и только! Чего этот г. философ об нас ни написал!

А мы, бедные Православные, в простоте своего сердца думали до сих пор, что сделали самые удивительные успехи по всем частям образованности, мы гордились своею твердою народностию, своим правительством, мы убеждены были, что православная вера горит в сердце всякого Русского и более всего поддерживает наше мощное политическое тело; мы считали себя великаном, на которого все народы глядят с удивлением или завистью, с упованием или со страхом.

А добрые наши цари, положившие столько трудов, столько попечений, чтобы нас просветить, возвеличить, и не знали, что после вековых усилий мы будем на низшей степени, нежели наши лопари, наши самоеды.

Не знаем, какое впечатление произвели эти философические письма на убеждения русской барыни, не знаем и того, в каком состоянии находится ныне ум достойного сочинителя. Но «Телескоп» не выдержал тяжести и первого письма в сорок с лишним страниц — он пал под этою огромною ношею; а переводчик, бывший и прежде, как мы слышали, не при своем уме, после перевода этого письма и совершенно отправился в дом сумасшедших. Мы никому не желаем зла: но, право, признаем, грешные, что при составлении нашей литературной летописи часто желаем неволью туда же отправиться многим сочинителям и переводчикам — по крайней мере, не печатали бы их бредней, а мы бы не были принуждены их читать.

Возвращаясь сегодня от Вашего Высокопревосходительства, я случайно подумал о глупой статье, напечатанной в «Телескопе», которая была мне сообщена по вашему приказанию несколько недель назад. Я не утерпел, чтобы не написать о ней несколько строк².

